

Андрей Волос, писатель, лауреат Государственной премии

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

С классическим реализмом 19-го и 20-го веков. Полагаю, что эта традиция не прерывалась вплоть до настоящего времени. И в советскую эпоху были писатели, которые относились не к социалистическому реализму, а к классическому.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Культура есть форма существования неких духовных ценностей. Если принять во внимание то, что происходило в русской культуре в 20-м веке – мощные надломы, резкие смены ценностных ориентиров, – то можно утверждать, что наиболее полную, богатую реализацию русские духовные ценности получили во второй половине 19-го и начале 20-го века.

3. Как сказались на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Я не уверен, что он завершился. Мы перевалили в постсоветское время без какой-либо резкой границы. То, что Ельцин в свое время отказался от идеи процесса над компартией, суда над ней, – я имею в виду не уголовный суд, а манифестацию некоторых обвинений в адрес этой идеологии и вынос на всеобщее обозрение всех несчастий, к которым она привела, – последствия этого шага будут сказываться еще долго. Не была проведена dead line. Мы прокатились сквозь это время, но не выкатились из него. Условные коммунисты нашего времени, не имеющие отношения к коммунистам прошлого, а только рядящиеся в их лозунги, утверждают, что за них готово проголосовать около 40 процентов населения, – это показательно.

- Говорят, что это протестное голосование, когда люди голосуют не за кого-то, а против кого-то.

Да, но почему они тогда не голосуют за Союз правых сил? Думаю, это следствие неподведенных итогов. Печальная ситуация, потому что в любой момент то, что не кончено до конца, может возродиться. И я не понимаю, что значит «развитие культуры». Разве бывает культура семимесячная, восьмимесячная? Но есть тенденции, и их можно отметить. Образовавшая у нас свобода слова – очень бла-

гое дело. Одной из самых больших неожиданностей при этом оказалось то, что свобода слова еще не гарантирует процветания культуры. Не появилось у нас множества прекрасных писателей оттого, что всем позволили все писать. Наоборот: то, что в советское время было придавлено, но в общественном сознании жило мощно, такая условно антисоветская литература – Трифонов, Борис Васильев, Астафьев, Распутин, – все это мгновенно растворилось и уступило место естественному в условиях свободы слова расцвету поделок. Я, конечно, говорю главным образом о литературе. Большого улучшения литературной ситуации не наблюдается, хотя в советское время она была отвратительной. В одной из дискуссий Лев Аннинский удачно сказал: «Деваться некуда: есть Сцилла цензуры и Харибда спроса. Либо в одну, либо в другую сторону причалишь». Если не власть цензуры, то власть денег. Но есть при этом и некоторая стержневая часть процесса, про которую все знают: можно кричать очень громко, что такой-то – великий писатель, а про себя все знают, что великий писатель не тот, про кого кричат, а тот, кто сидит вон там в углу и пишет. Например, Астафьев – последний великий классик.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом нового лидера?

Если смотреть на вещи здраво, а не наблюдать бессмысленную рябь на огромной поверхности процесса и не говорить, например, что нападение «Идущих вместе» на Сорокина есть проявление изменения курса, – я так не думаю.

- Относительно Сорокина это или пиар, или чушь.

Знаком проявления изменений в отношении к культуре или художникам это в любом случае не является, хотя я выступал против из чувства солидарности: мне не нравится, что писателя, который не является порнографом, а просто шокирует некоторую часть общества реализацией своего творческого метода, вдруг привлекают к суду. Завтра привлекут меня за что-нибудь не понравившееся «Идущим вместе».

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры и нужна ли она?

Думаю, государство должно что-то делать. Например, развалилась совершенно система книгопродажи в провинции. В Москве тоже, кстати, не все в порядке: попробуйте, например, купить в столице книжку красноярского издательства. Я –

лауреат госпремии, вроде известный человек, а все мои поездки в провинцию упираются в то, что меня просят рассказать, что же я такое написал. Тираж в 5 000 экземпляров премированного романа «Хураммабад» до сих пор не распродан. Возможно, без моего ведома была допечатка, но дело не в том. Думаю, государство должно участвовать в налаживании культурной жизни. Но всем нам нужно следить, чтобы при этом оно не брало на себя лишних функций. А они обязательно появятся, не могут не появиться. Но это необходимое зло.

- То есть нам сейчас необходимо это зло, а мы должны научиться с ним справляться.

Государственная опека культуры должна быть, и нужно стараться, чтобы она приносила культуре максимум пользы и минимум вреда. Сейчас государство все-таки занялось подобными вещами. Например, второй год подряд проводится собрание молодых писателей России, и в этом году приехали в Москву из 90 регионов 150 человек, – примерно то же, что в советское время называлось совещанием молодых писателей. Это было полезно и в советское время: люди знакомились, осознавали себя, начинали чувствовать свое поколение. Оказывается, ты не один сидишь где-нибудь в Урюпинске и пишешь, есть другие в том же положении.

- Но существует еще Интернет...

А как найти там того самого, нужного тебе человека? Им важно в глаза друг другу посмотреть. Я отношусь вообще к воспитанию молодых с некоторой иронией, потому что никого нельзя ничему научить, но эти встречи полезны. Инициатором их стал Фонд Сергея Филатова, деньги дало Министерство культуры, нашли разных других спонсоров, возбудили союзы писателей, толстые журналы. Совещаниям предшествует процесс езды по городам и весям, мы собираем рукописи, привозим в Москву, рецензируем...

- А как живет сегодня писатель? Можно ли прожить на средства от издания книг?

Разумеется, можно, если ты – Дарья Донцова или Александра Маринина. А другим сложно. Я не могу прожить на гонорары и полгода как занимаюсь попытками писания сценариев, поскольку за это платят, а вообще года два живу на деньги от поденных литературных работ.

- Нужно ли здесь вмешательство государства?

Была такая идея – в школах иметь особую ставку, как в американских университетах – ставку писателя. Чтобы в каждой школе имелся культурный человек, с которым будут общаться дети. Но это не реализовалось.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Культура – тонкая прослойка, болезненная плесень, очень уязвимая. Никому в массовом порядке культура не нужна. Массы с удовольствием слушают и читают всякого рода попсу. Максимально от нашествия массовой культуры пострадали именно русские люди. У таджиков, например, осталась народная культура, они за нее цепко держатся, их от нее не отторгли.

- Хотя пытались переучивать...

Они все-таки живут в атмосфере народной культуры. У нас она утрачена. Вообще для меня традиционный русский деревенский быт – явление темное. Я живу в городе, и мне трудно судить, что осталось в деревне. В нашем мегаполисе все уклады разрушены и перепутаны. Остается бесконечный шишкотряс – один и тот же мотив барабанит тебе по башке, с одними и теми же словами. Поразительно, что всех это удовлетворяет. Я не могу выносить таких звуков, а в Москве всюду включено радио. Захожу куда-нибудь выпить сто граммов и сразу прошу выключить его. Выключают, но тут же приходит кто-то и удивляется: «Что такое? Почему нет музыки?» Представляете – это называют музыкой! Народ отлично обходится без Пушкина и вообще безо всего, он читает журнал *7 дней*. Элита – слово некрасивое, оно вообще относится к скоту – элитные производители, например. Но есть некоторая странная прослойка населения, которая что-то читает, что-то любит. В Москве ее довольно много, в России эта прослойка тонкая, в провинциальных маленьких городах в библиотеку на встречу с писателем приходят где человек 50, где 20...

- Вот они и есть, наверное, та самая элита...

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Да, я понимаю свою деятельность как служение, но не знаю точно, в каком смысле. Это связано с внутренним устройством моего организма. У меня нет идей, которые я бы пытался обслуживать. С большим трудом я стараюсь сделать то, что, мне кажется, я должен почему-то сделать. Это не имеет отношения ни к какой

ангажированности. Это только мое дело, мое внутреннее ощущение. Я служу самому себе. Сеять разумное, доброе, вечное в России... Лучше ничего не сеять и не пытаться улучшать, чтобы не стало хуже.

У меня есть друг, мой ровесник, который сделал блестящую карьеру. Вдруг он все бросил и начал писать. Он любит ездить по Тверской области, по Псковщине, его там все знают, книжки его читают, он у них главный писатель. Я брал у него интервью для *Литературной газеты* и там во вступлении сказал, что вот есть малоизвестный хороший писатель Валерий Писигин. Так в Торжке, куда он часто приезжает, все страшно возмутились: как это Писигин малоизвестный писатель? а этот Волос сам кто такой? И этот приятель мне говорит: знаешь, что будет, если вдруг найдутся деньги и всем пенсионерам увеличат пенсию до тысячи долларов, – их всех убьют. Как, говорю? А он отвечает: да ты сам поезжай, посмотри, что в Торжке делают люди, как живут дети и внуки этих пенсионеров, – их в течение двух месяцев всех отстреляют.

Что ведет моего приятеля? Что заставляет успешного человека все бросить и ездить в Торжок? Какая-то идея? Он меня однажды спрашивает, вернувшись из поездки, со слезами с голоса: можно, я туда полгода не буду ездить, я не могу этого видеть... Я тоже иногда езжу и вижу, что делается, и началось это не в последние годы, и не после перестройки, а гораздо раньше...

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового пространства?

Я не верю, что глобализация оказывает сильное влияние.

- Как? Ну, допустим, сели на самолет и быстро прилетели, куда захотели. Или включили Интернет и увидели...

Что увидели? Гадость какую-нибудь... Ничего хорошего там не увидишь. А полететь куда-то и раньше можно было. Наверное, оказывает влияние, что вывески всюду одинаковые, одежду одинаковую носим. Но к этому привыкаешь и не замечаешь. Я вообще не знаю, что такое особенная русская культура – она давно стала европейской, с 19-го века. Русские всегда показывали на себя пальцем и говорили: мы бы и хотели стать европейцами, да мы не такие. Однако мы давно европейцы в большой степени.

- То есть глобализация у нас началась давным-давно.

Да, но, несомненно, есть какие-то типы сознания русского человека, которые позволяют русскому художнику создавать нечто такое, чего не может создать фран-

цуз. Но я уверен, что и у француза есть свои особенности. Гюго, например, и Толстой очень похожи во многих отношениях.

9. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Я – человек, не имеющий никакого отношения к церкви. Церковь, мне кажется, сейчас в материальном отношении процветает, а что в духовном – мне трудно судить. На культуре ее новое положение, однако, сказывается. Появилась масса профанно-церковных убеждений, люди долдонят все время про какие-то ценности и под их стягом готовы призвать к чему угодно.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Несомненно, советской культуры у нас больше нет. А постсоветский период и не может завершиться. Много всякого рода традиций осталось нам от советской эпохи, традиций очень разных. У нас, например, несколько союзов писателей, и все они пытаются встать на позиции, которые занимали в советское время. Оно бы и хорошо, да денег у этих союзов теперь нет. Но есть потребность управлять процессом. Во главе союзов стоят люди старшего поколения разных убеждений, демократы в том числе. В чем-то мы вошли в новое, в чем-то нет. Дай Бог, чтобы у нас не было мощных рецидивов советского. Меня волнует все же, что не была подведена черта, про которую я говорил, нет ни у меня, ни у другого человека моих взглядов юридических оснований для обвинений. Нередко до сих пор можно услышать, что Сталин был хороший, что репрессии были оправданы... Так или иначе никакого рубежа начало века или тысячелетия не обозначило.